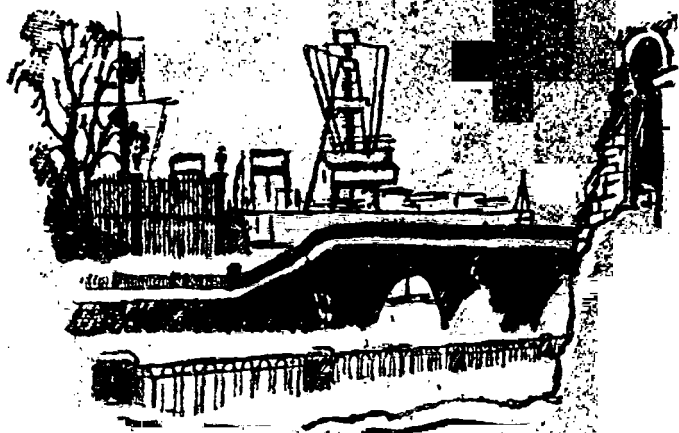

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ

ДНЕВНИК

ГОСЛИТИЗДАТ

ЛЕНИНГРАД

Ольга Бернгольц

Ленинградский дневник

С Т И Х И И П О Э М Ы

1941-1944

О Г И З

**Государственное Издательство
Художественной Литературы**

ЛЕНИНГРАД

1944

Рисунки А. Ф. Пахомова

Ленинграду

Нам от тебя теперь не оторваться.
Одною небывалою борьбой,
Одной неповторимою судьбой
Мы все отмечены. Мы — ленинградцы.

Нам от тебя теперь не оторваться: —
Куда бы нас ни повела война, —
Твоею жизнью душа полна,
И мы везде и всюду — ленинградцы.

Нас по улыбке узнают: нечастой,
Но дружелюбной, ясной и простой.
По вере в жизнь. По страшной жажде счастья.
По доблестной привычке трудовой.

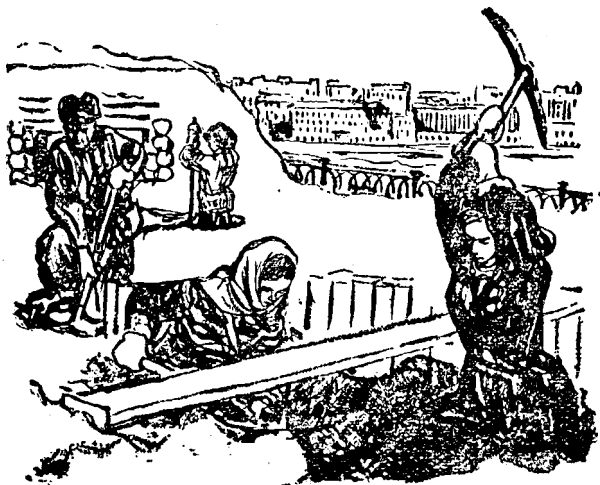
Мы не кичимся буднями своими:
Наш путь угрюм и ноша нелегка,
Но знаем, что завоевали имя,
Которое останется в веках.

Да будет наше сумрачное братство
Отрадой мира лучшею, — навек,
Чтоб даже в будущем по ленинградцам
Равнялся самый смелый человек.

Да будет сердце счастьем озаряться
У каждого, кому проговорят:
— Ты любишь так, как любят ленинградцы...—
Да будет мерой чести Ленинград.

Да будет он любви бездонной мерой
И силы человеческой живой,
Чтоб в миг сомнения, как символ веры,
Твердили имя верное его.

Нам от него теперь не оторваться:
Куда бы нас ни повела война, —
Его величием душа полна,
И мы везде и всюду — ленинградцы.

ОСЕНЬ 1941 года

Август 1941 года. Немцы неистово врутся в Ленинград. Ленинградцы строят баррикады на улицах, готовясь, если понадобится, к уличным боям.

* * *

...Я говорю с Тобой под свист снарядов,
Угрюмым заревом озарена.
Я говорю с Тобой из Ленинграда,
Страна моя, печальная страна...

Кронштадтский, злой, неукротимый ветер
В мое лицо закинутое бьет.
В бомбоубежищах уснули дети,
Ночная стража встала у ворот.

Над Ленинградом — смертная угроза...
Бессонны ночи, тяжек день любой.
Но мы забыли, что такое слезы,
Что называлось страхом и мольбой.

Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
Не поколеблет грохот канонад,
И если завтра будут баррикады, —
Мы не покинем наших баррикад.

И женщины с бойцами встанут рядом,
И дети нам патроны поднесут,
И надо всеми нами зацветут
Старинные знамена Петрограда.

Руками сжав обугленное сердце,
Такое обещание даю
Я, горожанка, мать красноармейца,
Погибшего под Лугою в бою.

Мы будем биться с яростною силой,
Мы одолеем бешеных зверей.
Мы победим, — клянусь Тебе, Россия,
От имени российских матерей...

22 августа 1941 г.

Двенадцатое сентября 1941 года. Первые бомбежки Ленинграда. Первые артиллерийские снаряды на его улицах. Немцы рвутся к городу... Ежедневно Ленинград говорит со страной по радио.

Сестре

Машенька, сестра моя, москвичка,
Ленинградцы говорят с тобой.
На военной грозной переключке
Слышишь ли далекий голос мой?
Знаю — слышишь. Знаю — всем знакомым
Ты сегодня хвастаешь с утра:
— Нынче из отеческого дома
Говорила старшая сестра. —

...Старый дом на Палевском, за Невской,
Низенький зеленый палисад.
Машенька, ведь это — наше детство.
Школа, елка, пионеротряд.
Вечер, клены, мандолины струны
С соловьем заставским вперебой.
Машенька, ведь это — наша юность.
Комсомол и первая любовь.
А дворцы, сады, дома заставы?
Труд в цехах, неделями подряд?
Машенька, ведь это — наша слава,
Наша жизнь и сердце — Ленинград.
Машенька, теперь в него стреляют,
Прямо в город, прямо в нашу жизнь.

Пленом и позором угрожают,
Кандалы готовят и ножи.
Но жестоко душу напрягая,
Смертно ненавдя и скорбя,
Я со всеми вместе присягаю
И даю присягу за тебя.
Присягаю ленинградским ранам,
Первым разоренным очагам:
— Не сломясь, не дрогну, не устану,
Ни крупцы не прощу врагам.
Нет. По жизни и по Ленинграду
Полчища фашистов не пройдут.
В низеньком зеленом палисаде
Лучше мертвой нәземь упаду.
Но не мы — они найдут могилу.
Машенька, мы встретимся с тобой.
Мы пройдемся по заставе милой,
По зеленой, синей, голубой...
Мы пройдемся улицею длинной,
Вспомним эти горестные дни.
И услышим лепет мандолины,
И увидим мирные огни...

Расскажи ж друзьям своим в столице:
— Стоек и бесстрашен Ленинград.
Он не дрогнет, он не покорится, —
Так сказала старшая сестра.

12 сентября 1941 г.

Сентябрь 1941 года. Враг уворот Ленинграда. Непрерывные бомбежки и обстрелы. Хлебная норма резко уменьшена.

Первое письмо на Каму

Я знаю — далеко на Каме
Тревожится, тоскует мать.)
Что написать далекой маме,
Как успокоить? Как солгать?
Она в открытках каждой строчкой,
Страшась и всей душой любя,
Все время молит:

— Дочка, дочка,

Прошу, побереги себя... —

О, я любой ценою рада
Тревогу матери унять.
Я напишу ей только правду:
Пусть не боится за меня.

— Я берегу себя, родная,
Не бойся, очень берегу.
Я город наш обороняю
Со всеми вместе, как могу.
Я берегу себя от плена,
Позорнейшего на земле.
Мне кровь твоя, чернея в венах,
Диктует: «Гибель, но не плен!»
Не бойся, мама, я не струшу,

Не отступлю, не побегу,
Взращенную тобою душу
Непобежденной сберегу.
Не бойся, нет во мне смятенья,
Еще надолго хватит сил.
Победоносному терпенью
Недаром Ленин нас учил.
Не бойся, мама, — я с друзьями,
И ты люби моих друзей...

Так я пишу далекой маме.
Я написала правду ей.
Я не пишу — и так вернее, —
Что старый дом разрушен наш,
Что ранен брат, что я старею,
Что мало хлеба, мало сна.
И главная, быть может, правда
В том, что не все узнает мать:
Ведь мы залечим эти раны,
Мы все вернем себе опять.
И сон — спокойный, долгий, теплый,
И песни с самого утра,
И будет в доме в ясных стеклах
Заря вечерняя играть...

И я кричу знакомым людям:
— Пишите правду матерям.
Пишите им о том, что будет,
Не жалуйтесь, что трудно нам.

24 сентября 1941 г.

Октябрь 1941 года. Немцам не удалось
взять Ленинград штурмом. Они замкнут
вокруг него кольцо блокады. —

* * *

...Я буду сегодня с тобой говорить,
Товарищ и друг, ленинградец,
О свете, который над нами горит,
О нашей последней отраде.

Товарищ, нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды,
Но мы не забыты с тобой, не одни, —
И это уже победа.

Смотри — материнской тоскою полна,
За дымной грядю осады,
Не сводит очей воспаленных страна
С защитников Ленинграда.

Так некогда, друга отправив в поход
На подвиг тяжелый и славный,
Рыдая, глядела века напролет
Со стен городских Ярославна.

Молила, чтоб ветер хоть голос домчал
До друга, сквозь дебри и выси...
А письма летят к Ленинграду сейчас,
Как в песне, десятками тысяч.

Сквозь пламя и ветер летят и летят,
Их строки размыты слезами.

На ста языках об одном говорят:
— Мы с вами, товарищи, с вами! —

А сколько посылок приходит с утра
Сюда, в ленинградские части!
Как пахнут и варежки и свитера. —
Забывтым покоем и счастьем,...

И нам самолеты послала страна, —
Да будет еще неустанней.
Их мерная, гулкая песня слышна,
И видно их крыльев блистанье.

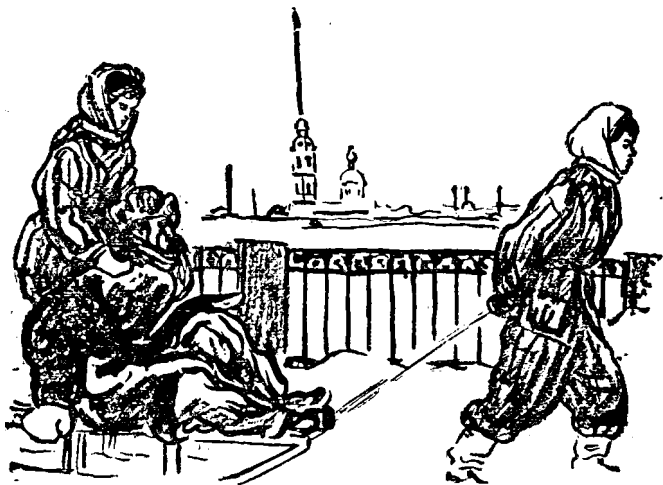
Товарищ, прислушайся, встань, улыбнись
И с вызовом миру поведай:
— За город сражаемся мы не одни, —
И это уже победа.

Спасибо. Спасибо, родная страна,
За помощь любовью и силой.
Спасибо за письма, за крылья для нас,
За варежки тоже спасибо.

Спасибо тебе за тревогу твою, —
Она нам дороже награды.
О ней не забудут в осаде, в бою
Защитники Ленинграда.

Мы знаем — нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды,
Но Родина с нами, и мы не одни,
И нашею будет победа.

16 октября 1941 г

ЗИМА 1941/1942 года

Декабрь 1941 года. Четыре месяца блокады. До пятого декабря бомбежки продолжались иногда по пять-семь часов подряд. Ленинградцы получают от 125 до 250 граммов хлеба.

Разговор с соседкой

Дарья Власьевна, соседка по квартире,
Сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, будем говорить о мире,
О желанном мире, о своем.

Вот мы прожили почти полгода,
Полтора ста суток длится бой.
Тяжелы страдания народа, —
Наши, Дарья Власьевна, с тобой.

О, ночное воющее небо,
Дрожь земли, обвал невдалеке,
Бедный ленинградский ломтик хлеба,
Он почти не весит на руке...

Для того, чтоб жить в кольце блокады,
Ежедневно смертный слушать свист, —
Сколько силы нам, соседка, надо,
Сколько ненависти и любви!

Столько, что минутами в смятеньи
Ты сама себя не узнаешь:
— Вынесу ли? Хватит ли терпенья?
— Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь.

Дарья Власьевна, — еще немного,
День придет — над нашей головой
Пролетит последняя тревога,
И последний прозвучит отбой.

И какой далекой, давней-давней
Нам с тобой покажется война
В миг, когда толкнем рукою ставни,
Сдернем шторы черные с окна.

Пусть жилище светится и дышит,
Полнится покоем и весной...
Плачьте тише, смейтесь тише, тише,
Будем наслаждаться тишиной.

Будем свежий хлеб ломать руками,
Темнозолотистый и ржаной.
Медленными, крупными глотками
Будем пить румяное вино.

А тебе — да ведь тебе ж поставят
Памятник на площади большой!
Нержавеющей, бессмертной сталью
Облик твой запечатлят простой.

Вот такой же: исхудавшей, смелой,
В наскоро повязанном платке,
Вот такой, когда под артобстрелом
Ты идешь с кошкой в руке.

Дарья Власьевна, твоею силой
Будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия.
Стой же и мужайся, как она!

5 декабря 1941 г.

Декабрь 1941 года. Фашисты разгребены под Москвой. Нам взят обратно Твин, отбит Волхов. Идет пятый месяц блокады Ленинграда. В городе голод, мороз, лед.

Второе письмо на Каму

...Вот я снова пишу на далекую Каму.
Ставлю дату: двадцатое декабря.

Как я счастлива,

что горячо и упрямо

Штемпеля Ленинграда

на конверте горят.

Штемпеля Ленинграда! Это надо понять.

Все защитники города

понимают меня.

Ленинградец, товарищ, — оглянись-ка

назад,

В полугодье войны изумляясь себе:

Мы ведь смерти самой поглядели в глаза.

Мы готовились к самой последней борьбе.

Ленинград в сентябре, Ленинград

в сентябре

Златосумрачный, царственный листопад,

Скрежет первых бомбежек, рыданье сирен,

Темноржавые контуры баррикад.

Только все, что тогда я

на Каму писала,

Все, о чем я так скупю теперь говорю, —
Ленинградец, — ты знаешь, — было только
началом,
Было только вступленьем
к твоему декабрю.

Ленинград в декабре, Ленинград в декабре!
О, как ставенки стонут на темной заре,
Как угрюмо твое ледяное жилье,
Как врагами изранено тело твое...
Мама, Родина светлая, из-за кольца
Ты твердишь:

«Ежечасно гордимся тобой».
Да, мы вновь не отводим от смерти лица,
Принимаем голодный и медленный бой.

Ленинградец, мой спутник,
мой единственный друг, —
Нам декабрьские дни сентября тяжелей.
Все равно не разнимем

слабеющих рук:
Мы и это, и это должны одолеть.

Он придет, ленинградский торжественный
полдень,
Тишины и покоя, и хлеба душистого
полный.

О, какая отрада,
какая великая гордость

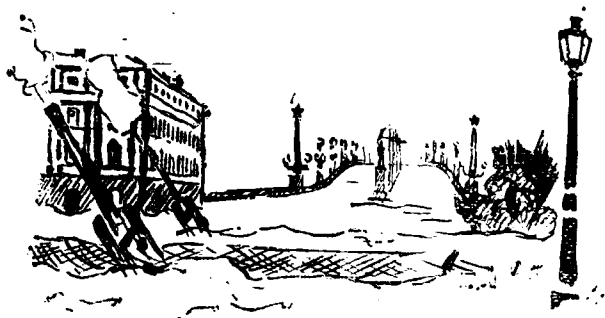

И постоял, пока они поели.
И мать, рукою серою, как дым,
Дотронулась до рукава шинели.
Дотронулась, не посветлев в лице...
Не ведал мир движенья — благодарней!
Мы знали всё о жизни наших армий,
Стоявших с нами в городе, в кольце.
...Они расстались. Мать пошла направо,
Боец вперед — по снегу и по льду.
Он шел на фронт за Нарвскую заставу,
От голода качаясь на ходу.
Он шел на фронт, мучительно палим
Стыдом отца, мужчины и солдата:
Огромный город умирал за ним
В седых лучах январского заката.
Он шел на фронт, одолевая бред,
Все время помня — нет, не помня — зная,
Что женщина глядит ему вослед,
Благодаря его — не укоряя.
Он снег глотал, он чувствовал с досадой,
Что слишком тяжелеет автомат,
Добрал до фронта и пополз в засаду
На истребленье вражеских солдат...
...Теперь ты понимаешь, — почему
Нет Армии на всей земле любимей,
Нет преданней ее народу своему,
Великодушной и непобедимей?

Январь 1942 г.

Новогодний тост

В еще невиданном уборе —
Завьюженный огромный дот, —
Так Ленинград, гвардеец-город.
Встречает этот Новый год.
Как беден стол, как меркнут свечи!
Но я клянусь, — мы никогда
Правдивей и теплее встречи
Не знали в прежние года.
Мы, испытавшие блокаду,
Все муки ратного труда,
Друг другу счастья и отрады
Желаем так, как никогда.
Мы, с диким мужеством и страстью
Ведущие неравный бой, —
Мы знаем, что такое счастье,
Что значит верность и любовь.
Так выше головы и чаши
С глотком вина, — мы пьем его
За человеческое наше,
Незыблемое торжество.
За Армию — красу и гордость
Планеты страждущей земной,
За наш угрюмый, милый город,
Втройне любимый и родной.
Мы в чайных тепла и света
Глядим в грядущее — в упор...
За горе, гибель и позор
Врага!
За Жизнь! За Власть Советов!

ПОЭМЫ

Февральский дневник

I

Был день, как день.
Ко мне пришла подруга,
Не плача, рассказала, что вчера
Единственного схоронила друга,
И мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова?
Я тоже — ленинградская вдова.

Мы съели хлеб, что был отложен на день,
В один платок закутались вдвоем,
И тихо-тихо стало в Ленинграде.
Один, стуча, трудился метроном.

И стыли ноги, и томилась свечка.
Вокруг ее слепого огонька
Образовалось лунное колечко,
Похожее на радугу слегка.

Когда немного посветлело небо,
Мы вместе вышли за водой и хлебом
И услышали дальней канонады
Рыдающий, тяжелый, мерный гул:
То армия рвала кольцо блокады,
Вела огонь по нашему врагу.

II

А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина...
Не отыскать в снегах трамвайных линий,
Одних полозьев жалоба слышна.

Скрипят, скрипят по Невскому полозья.
На детских санках, узеньких, смешных,
В кастрюльках воду голубую возят,
Дрова и скarb, умерших и больных...

Так с декабря кочуют горожане
За много верст, в степной туманной мгле,
В глуши слепых, обледеневших зданий,
Отыскивая угол потеплей.

Вот женщина ведет куда-то мужа.
Седая полумаска на лице,
В руках бидончик — это суп на ужин.
Свистят снаряды, свирепеет стужа, —
Товарищи, мы в огненном кольце...

А девушка с лицом заиндевелым,
Упруго стиснув почерневший рот,
Завернутое в одеяло тело
На Охтенское кладбище везет.

Везет, качаясь, — к вечеру добраться б...
Глаза бесстрастно смотрят в темноту.
Скинь шапку, гражданин!

Провозят ленинградца,
Погибшего на боевом посту.

Скрипят полозья в городе, скрипят.
Как многих нам уже не досчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
Что слезы вымерзли у ленинградцев.
Нет, мы не плачем. Слез для сердца мало.
Нам ненависть заплакать не дает.
Нам ненависть залогом жизни стала:
Объединяет, греет и ведет.

О том, чтоб не прощала, не щадила,
Чтоб мстила, мстила, мстила, как могу, —
Ко мне взывает братская могила
На Охтенском, на правом берегу.

III

Как мы в ту ночь молчали, как молчали...
Но я должна, мне надо говорить
С тобой, сестра по гневу и печали:
Прозрачны мысли, и душа горит.

Уже страданьям нашим не найти
Ни меры, ни названья, ни сравненья.
Но мы в конце тернистого пути
И знаем — близок день освобожденья.

Наверно, будет грозный этот день
Давно забытой радостью отмечен:
Наверное, огонь дадут везде,
Во все дома дадут, на целый вечер.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
В кольце, во мраке, в голоде, в печали
Мы дышим завтрашним, свободным, щедрым
днем, —

Мы сами этот день завоевали.

IV

Враги ломились в город наш свободный,
Крошились камни городских ворот.
Но вышел на проспект Международный
Вооруженный трудовой народ.
Он шел с бессмертным

возгласом

в груди:

— Умрем, но Красный Питер

не сдадим!..

Красногвардейцы, вспомнив о былом,
Формировали новые отряды,
И собирал бутылки каждый дом
И собственную строил баррикаду.

И вот за это — долгими ночами
Пытал нас враг железом и огнем...

— Ты сдашься, струсешь, — бомбы нам

кричали, —

Забьешься в землю, упадешь ничком,
Дрожа, запросят плена, как пощады,
Не только люди — камни Ленинграда! —

Но мы стояли на высоких крышах
С закинутою к небу головой,
Не покидали хрупких наших вышек,
Лопату сжав немеющей рукой.

...Настанет день, и, радуясь, спеша,
Еще печальных не убрав развалин,

Мы будем так наш город украшать,
Как люди никогда не украшали.

И вот тогда, на самом стройном здании
Лицом к восходу солнца самого
Поставим мраморное изваянье
Простого труженика ПВО.

Пускай стоит, всегда зарей объятый,
Так, как стоял, держа неравный бой:
С закинутою к небу головой,
С единственным оружием — лопатой.

V

О, древнее орудие земное,
Лопата, верная сестра земли,
Какой мы путь немислимый с тобою
От баррикад до кладбища прошли!

Мне и самой порою не понять
Всего, что выдержали мы с тобою.
Пройдя сквозь пытки страха и огня,
Мы выдержали испытанье боем.

И каждый, защищавший Ленинград,
Вложивший руку в пламенные раны,
Не просто горожанин, а солдат,
По мужеству подобный ветерану.

Но тот, кто не жил с нами, не поверит,
Что в сотни раз почетней и трудней
В блокаде, в окруженьи палачей, —
Не превратиться в оборотня, в зверя.

.....

VI

Я никогда героем не была,
Не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
Я не геройствовала, а жила.

И не хваюсь я тем, что в дни блокады
Не изменяла радости земной, —
Что, как роса, сияла эта радость,
Угрюмо озаренная войной.

И если чем-нибудь могу гордиться,
То, как и все друзья мои вокруг,
Горжусь, что до сих пор могу трудиться,
Не складывая ослабевших рук.
Горжусь, что в эти дни, как никогда,
Мы знали вдохновение труда.

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам,
Таковыми мы счастливыми бывали,
Такой свободой дикою дышали,
Что внуки позавидовали б нам.

О да, мы счастье страшное открыли —
Оно другим неведомо пока, —
Когда последней коркою делились,
Последнею щепоткой табака;

Когда вели полночные беседы
У бедного и дымного огня,
Как будем жить, когда придет победа,
Всю нашу жизнь по-новому ценя.

И ты, мой друг, ты даже в годы мира,
Как полдень жизни, будешь вспоминать
Дом на проспекте Красных Командиров,
Где тлел огонь и дуло от окна.

Ты выпрямишься, вновь, как нынче, молод.
Ликуя, плача, сердце позовет
И эту тьму, и голос мой, и холод,
И баррикаду около ворот.

Да здравствует, да царствует всегда
Простая человеческая радость,
Основа обороны и труда,
Бессмертие и сила Ленинграда.

Да здравствует — суровый и спокойный,
Глядевший смерти в самое лицо,
Удушливое вынесший кольцо
Как Человек,

как Труженик,

как Воин.

Сестра моя, товарищ, друг и брат,
Ведь это мы, крещенные блокадой,
Нас вместе называют — Ленинград,
И шар земной гордится Ленинградом.

Двойною жизнью мы сейчас живем.
В кольце и стуже, в голоде, в печали
Мы дышим завтрашним, счастливым, щедрым
днем, —
Мы сами этот день завоевали.

И ночь ли будет, утро или вечер,
Но в этот день мы встанем и пойдем
Воительнице-армии навстречу
В освобожденном городе своем.

Мы выйдем без цветов,
В помятых касках,
В тяжелых ватниках,
В промерзших полумасках,
Как равные, приветствуя войска.
И, крылья мечевидные расправив,
Над нами встанет бронзовая слава,
Держа венки в обугленных руках.

Январь — февраль 1942 г.

Ленинградская поэма

I ✓

Я, как рубеж, запомню вечер:
Декабрь, безогненная мгла,
Я хлеб в руке домой несла,
И вдруг соседка мне навстречу.
— Сменяй на платье, — говорит, —
Менять не хочешь, дай по дружбе.
Десятый день, как дочь лежит:
Не хороню. Ей гробик нужен.
Его за хлеб сколотят нам.
Отдай. Ведь ты сама рожала... —
И я сказала: — Не отдам. —
И бедный ломоть крепче сжала.
— Отдай, — она просила, — ты
Сама ребенка хоронила.
Я принесла тогда цветы,
Чтоб ты украсила могилу. —
...Как будто на краю земли,
Одни, во мгле, в жестокой схватке,
Две женщины, мы рядом шли,
Две матери, две ленинградки.
И, одержимая, она
Молила долго, горько, робко.
И сил хватило у меня
Не уступить мой хлеб на гробик.
И сил хватило — привести
Ее к себе, шепнув угрюмо:

— На, съешь кусочек, съешь... прости!
Мне для живых не жаль — не думай. —

Прожив декабрь, январь, февраль,
Я повторяю с дрожью счастья: —
Мне ничего живым не жаль,
Ни слез, ни радости, ни
страсти.

Перед лицом твоим, Война,
Я поднимаю клятву эту,
Как вечной жизни эстафету,
Что мне друзьями вручена.
Их множество — друзей моих,
Друзей родного Ленинграда.
О, мы задохлись бы без них
В мучительном кольце блокады.

II

Вот предо мной письмо бойца.
Он — с Ладоги, а сам — волжанин.
Я верных рук ему не жала,
Не видела его лица...
Но знаю — друга нет верней,
Надежней, преданней, бесстрашней.
Его письмо — письмо к жене —
Твердит о давней дружбе нашей.
Он пишет: — Милая Наташа,
Прочти и всей родне скажи:
Спасибо вам за ласку вашу,

За вашу правильную жизнь.
Но я прошу, Наташа, очень:
Ты не пиши, как прошлый раз,
Мол, «Пожалей себя для дочки»,
«Побереги себя для нас»...
Мне стыдно речи эти слушать! -
Прости, любимая, пойми,
Что Ленинград ожег мне душу
Своими бедными детьми.
Я в Ленинграде, правда, не был,
Но знаю — видели бойцы:
Там дети плачут, просят хлеба,
А хлеба нет... А мы — отцы...
И я, как волка, караулю
Фашиста — сутками в снегу,
И от моей свирепой пули
Пощады не было врагу.
Лежу — порою до костей
Промерзну весь... Дрожу,
устану...

Уйти? А вспомню про детей —
Зубами скрипну — и останусь.
— Нет, — говорю, — позорный гад,
Палач детей, — я здесь, я слышу.
На, получай еще заряд
За ленинградских ребятишек.
...Наташа, береги Катюшу,
Но не жалея меня, жена.
Не обижай тревогой душу,
В которой ненависть одна.

Нельзя дышать, нельзя, жена,
Когда дитя за хлебом плачет...
Да ты не бойся за меня.
А как я жить могу — иначе?

III

О, да — иначе не могли
Ни те бойцы, ни те шоферы,
Когда грузовики вели
По озеру в голодный город.
Холодный, ровный свет луны,
Снега сияют исступленно,
И со стеклянной вышины
Врагу отчетливо видны
Внизу идущие колонны.
И воеет, воеет небосвод,
И свищет воздух, и скрежещет,
Под бомбами ломаясь, лед,
И озеро в воронки плещет.
Но, вражеской бомбежки хуже,
Еще мучительней и злей —
Сорокаградусная стужа,
Владычащая на земле.
Казалось — солнце не взойдет:
Навеки ночь в застывших звездах.
Навеки лунный снег, и лед,
И голубой свистящий воздух.
Казалось, что конец земли...
Но сквозь остывшую планету

На Ленинград машины шли:
Он жив еще. Он рядом где-то.
— На Ленинград, на Ленинград!
Там на два дня осталось хлеба,
Там матери под темным небом
Толпой у булочных стоят,
И дрогнут, и молчат, и ждут,
Прислушиваются 'тревожно:
— К заре, сказали, привезут...
— Гражданочки, держаться можно...

И было так: на всем ходу
Машина задняя осела.
Шофер вскочил, шофер на льду.
— Ну, так и есть—мотор заело.
Ремонт на пять минут, пустяк.
Поломка эта—не угроза,
Да рук не разогнуть никак:
Их на руле свело морозом.
Чуть разогнешь—опять сведет.
Стоять? А хлеб? Других дожидаться?
А хлеб—две тонны? Он спасет
Шестнадцать тысяч леңинградцев.
И вот — в бензине руки он
Смочил, поджег их от мотора —
И быстро двинулся ремонт
В пылающих руках шофера.
Вперед! Как ноют волдыри,
Примерзли к варежкам ладони.
Но он доставит хлеб, пригонит

К хлебопекарне — до зари.
Шестнадцать тысяч матерей
Пайки получают на заре —
Сто двадцать пять блокадных грамм
С огнем и кровью пополам.
...О, мы познали в декабре —
Не зря «священным даром» назван
Обычный хлеб, и тяжкий грех
Хотя бы крошку бросить наземь,
Таким людским страданием он,
Такой большой любовью братской
Для нас отныне освящен —
Наш хлеб насущный, ленинградский.

IV

Дорогой жизни шел к нам хлеб,
Дорогой дружбы многих к многим.
Еще не знают на земле
Страшней и радостней дороги.
И я навек тобой горда,
Сестра моя, москвичка Маша,
За твой февральский путь сюда,
В блокаду к нам, дорогой нашей.
Золотоглаза и строга,
Как пруттик, тоненькая станом,
В огромных русских сапогах,
В чужом тулупчике, с наганом, —
И ты рвалась сквозь смерть и лед,
Как все, тревогой одержима, —

Моя отчизна, мой народ,
Беликодушный и любимый.
И ты вела машину к нам,
Подарков полную до края.
Ты знала — я теперь одна,
Мой муж погиб, я голодаю.
Но то же, то же, что со мной, —
Со всеми сделала блокада.
И для тебя слились в одно
И я, и горе Ленинграда.
И, ночью плача за меня,
Ты забирала на рассветах
В освобожденных деревнях
Посылки, письма и приветы.
Записывала: «Не забыть:
Деревня Хохрино. Петровы.
Зайти на Мойку_сто один
К родным. Сказать, что все здоровы,
Что Митю долго мучил фриц,
Но мальчик жив, хоть очень слабый»...
О страшном плене — до зари
Тебе рассказывали бабы,
И лук собирали по дворам,
В холодных разоренных хатах:
На, питерцам свезешь, сестра,
Проси прощенья — чем богаты...
И ты рвалась — вперед, вперед,
Как луч, с неодолимой силой.
Моя отчизна, мой народ,
Родная кровь моя, — спасибо!

О, сквозь кольцо пробитый путь,
 Единственный просвет в отчизну!
 Но враг хотел кольцо замкнуть
 Совсем. Отнять дорогу к жизни.
 Был Тихвин взят. Рыча и злясь,
 Фашисты лезут к Волховстрою.
 Все туже смертная петля
 На горле города-героя.
 Нет! Не дадим петлю стянуть!
 Дорогу к городу — не троньте!
 И бьются за последний путь
 Солдаты Северного фронта.
 Войскам приказ — итти в атаку.
 Заданье получает взвод,
 Где командир Семен Потапов.
 Он говорит: — Бойцы, вперед!
 Сейчас рубеж займем. За ним
 Враги. Они хотят прорваться.
 Смелей, бойцы! Не предадим
 Железный подвиг ленинградцев! —
 Огонь. Ползут. — Вставай! —
Рванулись.
 — За мною! — кринул командир
 И вдруг упал с немецкой пулей,
 С проклятой пулею в груди.
 Бойцы — к нему. Но промедленье
 В атаке — проигрыш, конец.

И командир в самозабвенье
Кричит: — Не подходить ко мне!
За Ленинград — вперед! —

Неистов

Его приказ. И верен взвод,
И, прыгая через него,
Летит вперед и мнет фашистов,
Штыки вонзает на бегу
В серо-зеленые мундиры...
...А он остался на снегу,
Как сотни красных командиров,
Как сотни тех, кто вел и звал,
К себе не ведая пощады,
Своею смертью смерть попрая,
Витавшую над Ленинградом.

А он лежал в крови густой,
Ничком, с простертыми руками,
Как будто прикрывал собой
Под ним распластанное знамя.
И что же — верно: кровь свою
Он, точно стяг, легко и гордо
Пронес в решающем бою
За жизнь твою, любимый город,
За дочку, за жену, за мать,
В ком эта жизнь горит и бьется,
Кто будет ждать его — так

ждать,

Как ждут того, кто не вернется.

VI

Вот так, исполнены любви,
Из-за кольца, из тьмы разлуки
Друзья твердили нам: «Живи!»
Друзья протягивали руки,
Оледеневшие, в огне,
В крови, пронизанные светом,
Они вручили вам и мне
Великой жизни эстафету.
Безмерно счастье мое.
Спокойно говорю в ответ им:
— Друзья, мы приняли ее,
Мы держим вашу эстафету.
Мы с ней прошли сквозь дни

зимы.

В давящей мгле ее терзаний
Всей силой сердца жили мы,
Всем светом творческих дерзаний.
Да, мы не скроем — в эти дни
Мы ели землю, клей, ремни,
Но, съев похлебку из ремней,
Вставал к станку упрямый мастер,
Чтобы точить орудий части,
Необходимые войне.
И он точил, пока рука
Могла производить движенья,
А если падал, — у станка,
Как падает солдат в сраженьи.

И люди слушали стихи,
Как никогда—с глубокой верой,
В квартирах, черных, как пещеры,
У репродукторов глухих.

И обмерзающей рукой,
Перед коптилкой, в стуже адской
Гравировал гравёр седой
Особый орден — ленинградский.
Қолучей проволокой он,
Как будто бы венцом терновым,
Кругом — по краю — обведен
Блокады символом суровым.
В кольце, плечом к плечу, втроем —
Ребенок, женщина, мужчина,
Под бомбами, как под дождем,
Стоят, глаза к зениту вскинув.

И надпись сердцу дорога:
Она гласит не о награде,
Она спокойна и строга:
«Я жил зимою в Ленинграде».

Так дрались мы за рубежи
Твои, возлюбленная Жизнь!

И я, как вы, — упряма, зла,
За них сражалась, как умела.
Душа, крепясь, превозмогла
Предательскую немощь тела.

И я утрату понесла.
К ней не притронусь даже словом —
Такая боль... И я смогла,
Как вы, подняться к жизни снова
Затем, чтоб вновь и вновь
сражаться

За жизнь.

Носитель смерти, враг —
Опять над каждым ленинградцем
Заносит кованый кулак.
Но не волнуясь, не боясь,
Гляжу в глаза грядущим схваткам:
Ведь ты со мной, страна моя,
И я недаром — ленинградка.

Так, с эстафетой вечной жизни,
Тобой врученной, отчизна,
Иду с тобой путем единым,
Во имя мира твоего,
Во имя будущего сына
И светлой песни для него.

Для дальней полночи счастливой
Ее, заветную мою,
Сложила я нетерпеливо
Сейчас, в блокаде и в бою.

Не за нее ль идет война?
Не за нее ли ленинградцам

Еще бороться и мужаться
И мстить без меры? — Вот она:

— Здравствуй, крестник
Красных командиров,
Милый вестник,
Вестник мира...

Сны тебе спокойные приснятся —
Битвы стихли на земле ночной.
Люди

неба

больше не боятся.

Неба, озаренного луной.

В синей-синей глубине эфира
Молодые облака плывут.
Над могилой красных командиров
Мудрые терновники цветут.

Ты проснешься на земле цветущей,
Вставшей не для боя — для труда.
Ты услышишь ласточек поющих:
Ласточки

вернулись в города.

Гнезда вьют они — и не боятся,
Вьют в стене пробитой, под окном:
Крепче будет гнездышко держаться,
Люди больше не покинут дом.

Так чиста теперь людская радость,
Точно к миру прикоснулась вновь.
Здравствуй, сын мой,
жизнь моя,
награда,
Здравствуй, победившая любовь! —

Вот эта песнь. Она проста,
Она — надежда и мечта.
Но даже и мечту враги
Хотят отнять и обесчестить.
Так пусть гремит сегодня гимн
Одной неутолимой мести!
Пусть только ненависть сейчас,
Как жажда, жжет уста народа,
Чтоб возратить желанный час
Любви, покоя и свободы!

Июнь — июль 1942 г.

Дорога на фронт

...Мы шли на фронт по улицам знакомым,
Припоминали каждую, как сон:
Вот палисад отеческого дома,
Здесь жил, шумя, огромный добрый клен.

Он в форточки тянулся к нам весною,
Прохладный, глянцевоитый поутру...

Но этой темной, ледяной зимою
И ты погиб, зеленый, шумный друг.

Зияют окна вымершего дома.
Гнездо мое, что сделали с тобой!
Разбиты стены старого райкома,
Его крылечко с кимовской звездой.

Я шла на фронт сквозь детство — той
дорогой,
Которой в школу бегала давно.
Я шла сквозь юность, сквозь ее тревогу,
Сквозь счастье свое перед войной.

Я шла сквозь хмурое людское горе —
Пожарища, развалины, гробы.
Сквозь новый, только возникавший город,
Где здания прекрасны и грубы.

Я шла сквозь жизнь, сводя до боли пальцы.
Твердил мне путь давнишний и прямой:
— Иди. Не береги себя. Не жалься.
Не плачь, не умиляйся над собой.

И вот — река, лачуги ветер жесткий,
Челны рыбацьи, дымный горизонт,
Землянка у газетного киоска, —
Наш, ленинградский, неприступный фронт.

Да. Знаю. Все, что с детства в нас горело,
Все, что в душе болит, поет, живет, —
Все шло к тебе, торжественная зрелость,
На этот фронт у городских ворот.

Ты нелегка — я это тоже знаю.
Но все равно — пути другого нет,
Благодарю ж тебя, благословляю,
Жестокий мой, короткий мой расцвет.

За то, что я сильнее и спокойней,
И терпеливей стала во сто крат,
И всею жизнью защищать достойна
Великий город жизни — Ленинград.

1942 г.

ЛЕТО — ОСЕНЬ 1942 года

Август 1942 года. Страна преодолевает второе фашистское наступление: немцы подошли к Волге, к Сталинграду, ползут по Кавказу, готовят новый штурм Ленинграда.

Разговор с собою

Печаль войны все тяжелей, все глубже,
Все горестней в моем родном краю.
Бывает, спросишь собственную душу:
— Ну, как ты, что? . .

И слышишь: — Устаю...

Но не вини за горькое признание
Души своей, и не пугайся — нет:
Она такое приняла страданье
За этот год, что хватит на сто лет.
И только вспомни, вспомни сорок первый:
Неудержимо двигался фашист,
А разве, хоть на миг, ослабла вера,
Не на словах, а в глубине души?
Нет! Боль и стыд неожиданных поражений
Твоя душа сполна перенесла,
И на путях печальных отступлений
Невиданную твердость обрела...
...И вот опять... О, сводки с юга, утром!
Как будто бы клещами сердце рвут.
Почти с молитвой смотришь в репродуктор:
— Скажи, что Грозного — не отдадут!
— Скажи, скажи, что снова стала нашей
Кубань, Ростов и пламенный Донбасс.
Скажи, что англичане от Ламанша
Рванулись на Германию сейчас!..
Но, как полынью, горем сводки дышат.
Встань и скажи себе, с трудом дыша:
— Ты, может быть, еще не то услышишь,
И все должна перенести душа.
Ты устаешь? Ты вся в рубцах и ранах?
Всё так. Но вот сейчас, наедине,
Не людям — мне клянись, что не устанешь,
Пока твое отечество в огне.
Ты русская — дыханьем, кровью, думой,

В тебе соединились не вчера
Мужицкое терпенье Аввакума
И царская неистовость Петра.
Такая, отграненная упорством,
Твоя душа нужна твоей земле.
Единоборство? Пусть единоборство!
Мужайся, стой, крепись и — одолей!

Август 1942 г.

Блокада длится... Осенью сорок второго года ленинградцы готовятся ко второй блокадной зиме: собирают урожай со своих огородов, сносят на топливо деревянные постройки в городе. Время огромных и тяжелых работ.

Ленинградская осень

Ненастный вечер, тихий и холодный.
Мельчайший дождик сыплется впотьмах.
Прямой-прямой, пустой Международный
В огромных, новых, нежилых домах.
Тяжелый свет артиллерийских вспышек
То озаряет контуры колонн,
То статуи, стоящие на крышах,
То барельеф из каменных знамен
И стены — сплошь в пробоинах снарядов...
А на проспекте — кучка горожан:
Трамвая ждут у ржавой баррикады,
Ботву и доски бережно держа.

Вот женщина стоит с доской в объятьях;
Угрюмо сомкнуты ее уста,
Доска в гвоздях, — как будто часть распятыя,
Большой обломок русского креста.
Трамвая нет. Опять не дали тока,
А, может быть, разрушил путь снаряд...
Опять пешком до центра — как далёко!
Пошли... Идут — и тихо говорят:
О том, что вот — попался дом проклятый,
Стоит, хоть бомбой дерево ломай.
Спокойно люди жили здесь когда-то,
Надолго строили себе дома.
А мы... Поежились и замолчали,
Разбомбленное зданье обходя.
Прямой проспект, пустой-пустой,

печальный,

И граждане под сеткою дождя.
...О, чем утешить хмурых, незнакомых,
Но кровно близких и родных людей?
Им только б доски дотащить до дома
И ненадолго руки снять с гвоздей.
И я не утешаю, нет, — не думай,
Я утешеньем вас не оскорблю:
Я тем же каменным, сырым путем,

угрюмым

Тащусь, как вы, и, зубы сжав, — терплю.
Нет, утешенья только душу ранят, —
Давай молчать...

...Но странно: дни придут,
И чьи-то руки пепел соберут

Из наших нищих, бедственных времянок.
И с трепетом, почти смешным для нас,
Снесут в музей, пронизанный огнями,
И под стекло положат, как алмаз,
Невзрачный пепел, смешанный с гвоздями.
Седой хранитель будет объяснять
Потомкам, приходящим изумляться:
— «Вот это — след Великого Огня,
Которым согревались ленинградцы.
В осадных, черных, медленных ночах,
Под плач сирен и орудийный грохот
В их самодельных временных печах
Дотла сгорела целая эпоха.
Они спокойно всем пренебрегли,
Что не годилось для сопротивления,
Все отдали победе, что могли,
Без мысли о признании в поколениях.
Напротив, им казалось по-другому:
Казалось им тогда, — всего важней
Охалку досок дотащить до дома
И ненадолго руки снять с гвоздей...
...Так, день за днем, без жалобы, без
стола,
Невольный вздох — и тот в груди сдавив,
Они творили новые законы
Людского счастья и людской любви.
И вот теперь, когда земля светла,
Очищена от ржавчины и смрада, —
Мы чтим тебя, священная зола
Из бедственных времянок Ленинграда»...

...И каждый, посетивший этот прах,
Смелее станет, чище и добрее.
И, может, снова душу мир согреет
У нашего блокадного костра...

Октябрь 1942 г.

Отрывок

...Октябрьский дождь стучит в квадрат
оконный,

Глухие залпы слышатся вдали.
На улицах, сырых и очень тёмных,
Одни сторожевые патрули.

Мерцает желтый слепенький фонарик,
И сердце вдруг сжимается с тоской,
Когда услышишь:

— Пропуск ваш, товарищ... —
Как будто б ты — нездешний и чужой.

— Вот пропуск мой. Пожалуйста, проверьте.
Я здешняя, и этот город — мой,
У нас одно дыханье, дума, сердце...
Я здешняя, товарищ полевой.

...Но я живу в квартире, где зимою
Чужая чья-то вымерла семья.
Всё, что кругом, — накоплено не мною.

Всё — не мое, как будто б я — не я.
И точно на других широтах мира,
За целых два квартала от меня
Моя другая — прежняя — квартира,
Без запаха жилого, без огня.

Я редко прихожу туда, случайно.
Войду — и цепенею, не дыша:
Еще не бывшей на земле печалью,
Без слёз, без слов терзается душа...
Да, у печали этой нет названья.
Не выплачешь, не выскажешь ее,
И лишь фанерных ставенок стенанье
Негромкое — похоже на нее.
А на стекле — полоски из бумаги
Дождями покороблены, жёлты —
Неведенья беспомощные знаки,
Зимы варфоломеевской кресты.
Недаром их весною отдирали
Те, кто в жильё случайно уцелел,
И только в неживых домах остались
Бумажные полоски на стекле.

Моя квартира прежняя пуста.
Ее окошки в траурных крестах.

Да я ли здесь жила с тобой? Да я ли
Кормила здесь когда-то дочерей?
Меня ль, меня ль глаза твои встречали
У теплых, у клеенчатых дверей?

Ты вскакивал, ты выбегал к порогу,
Чуть делались шаги мои слышны.
Ты восклицал: — Пришла? Ну, слава
богу! —
А было тихо — не было войны.

И странно: в дни обстрелов и бомбёжек,
Когда свистела смерть на всех углах, —
Ты ждал меня, ни капли не тревожась,
Как будто б я погибнуть не могла,
Как будто б я была заговорённой
Несокрушимой верностью твоей.
И тот же взгляд — восторженный,
влюбленный —
Встречал меня у дорогих дверей.

Я все отдам, — любовь и вдохновенье,
И славу, щедро данную войной, —
За ту одну минуту возвращенья
К тебе, — под кров домашний, старый,
мой...

Как будто я ослепла и оглохла:
— Не услышать тебя, не увидеть.
Я слышу только дождь: он бьется в стекла.
И только дождь такой же, как тогда...

Октябрь 1942 г.

Осенью сорок второго года на общешитий при предприятиях и учреждениях ленинградцы возвращаются в жилые дома, покинутые многими в первую блокадную зиму.

Новоселье

...И вновь зима: летят, летят метели.
Враг всё еще у городских ворот.
Но я зову тебя на новоселье:
Мы новосельем встретим Новый год.
Еще враги свирепый и бесцельный
Ведут обстрел по городу — со зла, —
И слышен хруст стены и плач стекла, —
Но я тебя зову — на новоселье.

Смотри, вот новое мое жилище...
Где старые хозяева его?
Одни в земле, других нигде не сыщешь,
Нет ни следа, ни вести — ничего...

И властно воцарялось запустенье
В когда-то светлом, радостном дому.
Дышала смерть на городские стены,
Твердя: «Быть пусту дому твоему».

Здесь холодом несло из каждой щели,
Отсюда человек ушел...

Но вот,

Зову тебя сюда, на новоселье,
Под этим кровом

встретить Новый год.

Смотри, я содрал с померкших стёкол
Унылые бумажные кресты,
Зажгла огонь, — очаг лучист и тепел.
Сюда вернулись люди: я и ты.

Вот здесь расставим мы библиотеку,
Здесь будет столик, стульчик и кровать
Для очень маленького человека:
Он в этом доме станет подрастать.

О, строгие, взыскательные тени
Былых хозяев дома моего,
Благословите наше поселенье,
Покой и долголетие его.

И мы тепло надышим в дом, который
Был занят смертью, погружен во тьму...
Здесь будет жизни!

Ты жив, ты бьешься, город, —
Не быть же пусту дому твоему!

31 декабря 1942 г.

1943—1944 год

В ночь на 18 января 1943 года „последний час“ сообщил всей стране о прорыве блокады Ленинграда.

Третье письмо на Каму

...О, дорогая, дальняя, ты слышишь?
Разорвано проклятое кольцо!
Ты сжала руки, ты глубоко дышишь,
В сияющих слезах твое лицо.

Мы тоже плачем, тоже плачем, мама,
И не стыдимся слез своих: теплей
В сердцах у нас, бесслёзных и упрямых,
Не плакавших в прошедшем феврале.

Да будут слезы эти, как молитва.
А на врагов — расплавленным свинцом
Пускай падут они в минуты битвы
За всё, за всех, задушенных кольцом.

За девочек, по-старчески печальных,
У булочных стоявших, у дверей,
За трупы их в пикейных одеяльцах.
За страшное молчанье матерей...

О, наша месть — она еще в начале, —
Мы длинный счет врагам приберегли:
Мы отомстим за всё, о чем молчали,
За всё, что скрыли от Большой Земли!

Нет, мама, не сейчас, но в близкий вечер
Я расскажу подробно, обо всем,
Когда вернешься в ленинградский дом,
Когда я выбегу к тебе навстречу.

О, как мы встретим наших ленинградцев,
Не забывавших колыбель свою!
Нам только надо в городе прибраться:
Он пострадал, он потемнел в бою.

Но мы залечим все его увечья,
Следы ожогов злых, пороховых.
Мы в новых платьях выйдем к вам навстречу,
К «стреле», пришедшей прямо из Москвы.

Я не мечтаю, — это так и будет,
Минута долгожданная близка.
Но тяжкий рев разгневанных орудий
Еще мы слышим: мы в бою пока.
Еще не до конца снята блокада...
Родная, до свидания!

Иду

К обычному и грозному труду
Во имя новой жизни Ленинграда.

19 января 1943 г.

Песня о жене патриота

Хорошие письма из дальнего тыла
Сержант от жены получал,
И сразу, покамест душа не остыла,
Друзьям по оружию читал.

А письма летели сквозь дымные ветры,
Сквозь горькое пламя войны
В зеленых, как вешние листья, конвертах,
Сердечные письма жены.

Писала, что родиной стал из чужбины
Далекий сибирский колхоз.

Жалела, что муж не оставил ей сына, —
Отца б дожидался да рос...

Читали — улыбка с лица не скрывалась,
Читали — слезы не сдержав:

— Хорошая другу подружка досталась,
Будь счастлив, товарищ сержант!

— Пошли ей, сержант, фронтовые приветы,
Земные поклоны от нас.

— Совет да любовь вам, да ласковых деток,
Когда отгрохочет война... —

А ночью прорвали враги оборону, —
Отчизне грозила беда.

И пал он обычной смертью героя,
Заветный рубеж не отдав.

Друзья собрались и вдове написали,
Как младшей сестре дорогой:

— Поплачь, дорогая, — убудет печали,
Поплачь же над ним, над собой...

Ответ получили в таком же конверте, —
Зеленом, как листья весной.

И всем показалось, что не было смерти,
Что рядом их друг боевой.

— Спасибо за дружбу, отважная рота,
Но знайте, — писала она, —
Не плачет, не плачет вдова патриота,
Покамест бушует война.

Когда же сражений умолкнут раскаты
И каждый к жене заспешит, —
В тот день я, быть может, поплачу, солдаты,
По-женски поплачу, навзрыд...

...Так бейся же насмерть, отважная рота,
Готовь же отмщенье свое,
За то, что не плачет вдова патриота,
За бедное сердце ее.

Январь 1943 г.

Ленинградне

Еще тебе такие песни сложат,
Так воспоют твой облик и дела,
Что ты, наверно, скажешь: — Не похоже,
Я проще, я угрюмее была.

Мне часто было страшно и тоскливо,
Меня томил войны кровавый путь,
Я не мечтала даже — стать счастливой,
Но так порой хотелось отдохнуть...

Да, отдохнуть ото всего на свете:
От поисков тепла, жилья, еды,
От жалости к моим исчахшим детям,
От вечного предчувствия беды,
От страха за того, кто мне не пишет
(Увижу ли его когда-нибудь),
От свиста бомб над беззащитной крышей,
От мужества и гнева отдохнуть...

Но я в печальном городе осталась
Хозяйкой и служанкой для того,
Чтобы сберечь огонь и жизнь его.
И я жила, преодолев усталость.

Я даже пела иногда. Трудилась.
С людьми делилась солью и водой.
Я плакала, когда могла. Бранилась
С моей соседкой. Бредила едой.
И день за днем лицо мое темнело,
Седины появились на висках.
Зато, привычная к любому делу,
Почти железной сделалась рука.
Смотри, как цѣпки пальцы и грубы!
Я рвы на ближних подступах копала,
Сколачивала жесткие гробы
И малым детям раны бинтовала...

И не проходят даром эти дни,
Неистребим свинцовый их осадок:

Сама печаль, сама война глядит
Познавшими глазами ленинградок.

Зачем же ты меня изобразил
Такой отважной и такой прекрасной,
Как женщину в расцвете лучших сил,
С улыбкой горделивою и ясной?

Но, не приняв суровых укоризн,
Художник скажет с гордостью, с отрадой:
— Затем, что ты — сама любовь и жизнь,
Бесстрашие и слава Ленинграда!

8 марта 1943 г.

Весна в Ленинграде

Ты слышишь ли? Живой и влажный ветер
В садах играет, ветки шевеля!
Ты помнишь ли, что есть еще на свете
Земной простор, дороги и поля?

Мне в городе, годами осажденном,
В том городе, откуда нет путей,
Все видится простор освобожденный
В бескрайней, дикой, русской красоте.
Мне в городе, где нет зверей домашних,
Ни голубей, — хотя б в одном окне, —

Мерещатся грачи на рыжих пашнях
И дед Мазай с зайчатами в челне.

Мне в городе, — где нет огней вечерних,
Где только в мертвой комнате окно
Порою вспыхнет, не затемнено,
А окна у живых — чернее черни, —
Так нужно знать, что всё, как прежде, живо,
Что где-то в глубине родной страны
Все те же зори, журавли, разливы,
И даже города освещены;
Так нужно знать, что всё опять вернется
Оттуда, из глубин, сюда, где тьма, —
Что я, наверно, не смогла б бороться
Когда б не знала этого — сама!

Март 1943 г.

* * *

...Третья зона, дачный полустанок,
У перрона — тихая сосна.
Дым туман, струна звенит в тумане,
Невидимкою звенит струна.

Здесь шумел когда-то детский лагерь
На веселых ситцевых полях...
Всю в ромашках, в пионерских флагах,
Как тебя любила я, земля!

Это фронт сегодня. Сотня метров
До того, кто смерть готовит мне.
Но сегодня — тихо. Даже ветра
Нет совсем. Легко звучать струне.

И звенит, звенит струна в тумане...
Светлая, невидимая, пой!
Как ты плачешь, радуешься, манишь,
Кто тебе поведал, что со мной?
Мне сегодня радостно до боли,
Я сама не знаю — отчего.
Дышит сердце небывалой волей,
Силою расцвета своего.

Знаю, смерти нет: не подкрадется,
Не задушит медленно она, —
Просто жизнь сверкнет и оборвется,
Точно песней полная струна.

...Как сегодня тихо здесь, на фронте.
Вот среди развалин, над трубой
Узкий месяц встал на горизонте,
Деревенский месяц молодой.
И звенит, звенит струна в тумане,
О великой благости моля...
Всю в крови,
                                в тяжелых ржавых ранах,
Я люблю, люблю тебя, земля!

Март 1943 г.

Третьего июня 1943 года тысячам ленинградцев были вручены первые медали „За оборону Ленинграда“.

✓ Моя медаль

...Осада длится, тяжкая осада,
Невиданная ни в одной войне.
Медаль за оборону Ленинграда
Сегодня Родина вручает мне.

Не ради славы, почестей, награды
Я здесь жила и все могла снести:
Медаль «За оборону Ленинграда»
Со мной, как память моего пути.
Ревнивая, безжалостная память!
И если вдруг согнет меня печаль, —
Я до тебя тогда коснусь руками,
Медаль моя, солдатская медаль.
Я вспомню всё и выпрямлюсь, как надо,
Чтоб стать еще упрямей и сильней...
Взывай же чаще к памяти моей,
Медаль «За оборону Ленинграда».

...Война еще идет, еще — осада.
И, как оружие новое в войне,
Сегодня Родина вручила мне
Медаль «За оборону Ленинграда».

3 июня 1943 г.

Август 1943 года. Почти ежедневно
иногда два раза в день Москва салютует
победоносному наступлению русских войск.

Я, как ты, до смерти не забуду,
В самой глубине души храня,
Дни, когда московские орудья
Трижды бушевали за два дня.

В честь поименованных дивизий,
Гордости народа моего,
Эта буря, гром, салют и вызов,
Это яростное торжество.

В честь Вождя и в честь его дерзанья,
Беспощадной мудрости его.
В честь, Россия, твоего мужанья,
В честь единоборства твоего!

В честь погибших, озаренных славой...
В честь российских жен и матерей,
Тех, что не щадили для Державы
Ни сердец своих, ни сыновей.

Это лето страдным было, знойным,
В ливнях слез скрывался небосвод.
Но смотри, — на тех слезах народных
Радуга победная встает.

Да залечит раны, язвы, беды,
Да прольет на грудь твою покой
Этот мощный, добрый свет Победы,
Занимающийся над землей.

Август 1943 г.

В сентябре 1943 года войска Ленинградского фронта заняли высоту около Синявино, с которой враг мог обстрел единственной железной дороги к Ленинграду... Это было в дни блистательных наших побед на Украине.

✓ Победа

Мой друг пришел с Синявинских болот
На краткий отдых, сразу после схватки,
Еще не смыв с лица горячий пот,
Не счистив грязь с пробитой плащпалатки.
Пока в передней, тихий и усталый,
Он плащ снимал и складывал пилотку,
Я, вместо — «здравствуй», — крикнула:
— Полтава!

— А мы, — сказал он, — заняли высоту. —
В его глазах такой хороший свет
Зажегся вдруг,

что стало ясно мне:

Нет ни больших, ни маленьких побед,
А есть одна победа на войне.
Одна победа, — как одна любовь,
Единое народное усилие:
Где б ни лилась родная наша кровь, —
Она повсюду льется за Россию.
И есть один, один военный труд, —
Вседневный, тяжкий, страшный,
невоспетый, —
Но в честь его Москва дает салют

И, затемненная, трепещет светом.
И каждый вечер, слушая приказ
Иль торжество пророчащую сводку, —
Я радуюсь, товарищи, за вас,
Еще не перечисленных сейчас,
Занявших безыменную высотку...

22 сентября 1943 г.

Знамя

...Товарищ, мы сами, мы сами
Пойдем не теперь, погодя,
Как было, как вышло, что знамя
Оставили мы отходя.

Но ты не вини виноватых, —
Недаром народ нас простил:
Едва ли остался десятый.
Из тех, кто тогда отходил.

И там, где германские танки
Прошли, раскалясь добела,
Пробитое знамя крестьянка
На мертвом сержанте нашла...

...Ее донимали заботы,
Голодные дети в дому,

И немец гонял на работы,
И шла, не перечая ему.

Согнув непокорную шею,
В очах потушила огни,
Копала для немцев траншеи
И хлеб убирала для них.

И целых два года, — два года! —
Постыдная бирка и кнут
Твердили: — Не будет свободы,
Твои за тобой не придут.

Ты ждешь их напрасно и долго,
Не верь им, не жди, не зови.
Полотнище красного шелка
Сегодня же ночью порви.

И так уж проклятая участь
Досталась на долю твою.
Узнают — отыщут, замучат,
Детей невинных убьют... —

Но страха и лжи не послушав,
Во мраке немецкого зла
Как память о свете, как душу
То знамя она берегла.

И если давила усталость,
К земле пригибало тоской,

Вставала ночами — касалась
Заветного свертка рукой.

Под ветошью бедной и серой,
На нищенском дне сундука
Хранилась народная вера, —
Походное знамя полка.

Она разбирала укладку,
Тряхнув, расправляла атлас, —
Чтоб он не слежался на складках,
Чтоб цвет огневой не погас.

Чуть скрипнет порой половица, —
А немец за стенкой кричит:
— Зачем ты вставала?

— Молиться.

Я богу молилась, молчи... —

...А мы — на другом пепелище,
Где Волга шумела, близка,
В те ночи клялись, что отыщем
Походное знамя полка.

И знойными летними днями
Мы двинулись в дальний поход.
— Не здесь ли, — кричали мы, —
знамя?
— Не здесь, — отвечали, — вперед! —

И вот к отдаленным селеньям,
На берег днепровский пришли,
В немецкой крови по колени,
В тяжелой железной пыли.

Два года назад — молодая,
Отряд авангардный полка
Встречала седая-седая .
И знамя несла на руках, —

На вытянутых, на простертых,
Распахнутых щедро руках, —
С поклоном глубоким и гордым
И станом прямее дравка. .

Так знамя спасенное наше
Предстало пред нами опять.
Мы только вздохнули:

— Мамаша!

Спасибо... а мы — наступать...

И рад я, товарищ, поведать,
Что кончит победой бои
Народ, —
в искушениях, в бедах
Сберегший знамёна свои!

Сентябрь 1943 г.

* * *

Я давно живу с такой надеждой:
Вот вернется

город Пушкин к нам, —

Я пешком пойду к нему, как прежде
Пилигримы шли к святым местам.

Незабывтый мною, дальний-дальний,
Как бы сквозь войну обратный путь,
Путь на Пушкин, выжженный, печальный.
Путь к тому, чего нельзя вернуть.
Милый дом с крутой зеленой крышей,
Рядом липы круглые стоят...
Дочка здесь жила моя, Ириша,
Рыжеватая была, как я.

Все дорожки помню, угол всякий
В пушкинских таинственных садах:
С тем, кто мной доньше не оплакан,
Часто приходила я сюда.

Я пешком пойду в далекий, Пушкин
Сразу, как узнаю — возвращён.
Я на черной парковой опушке
Положу ему земной поклон.

Кланяюсь всему, что здесь любила,
— Сердце, не прощай — не позабудь! —
Кланяюсь всему, что возвратила,
Трижды тем, кого нельзя вернуть...

Ноябрь 1943 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Деятнадцатого января 1944 года наступающими войсками Ленинградского фронта были освобождены Петергоф, Красное Село, Ропша. Двадцать четвертого января — города Пушкин, Павловск и другие...

Приход в Пушкин

Вошли — и сердце дрогнуло: жестоко
Зияла смерть, безлюдье, пустота...
Где лебеди? Где музы? Где потоки —
С младенчества родная красота?

Где люди наши — наши садоводы,
Лелеявшие мирные сады?
Где их благословенные труды
На счастье человека и природы?

И где мы сами — прежние, простые,
Доверчиво глядевшие на свет?
Как страшно здесь!
Печальней и пустынной
Селения, наверно, в мире нет...

И вдруг в душе, в ее немых глубинах
Опять звучит надменно и светло:
«Все те же мы: нам целый мир —
чужбина, —
Отечество нам Царское Село».

25 января 1944 г.

Наш сад

ты помнишь ли сиянье Петергофа,
Дремучие петровские сады,
И этот влажный лепет, бред и вздохи
Всегда живой, хлопочущей воды?

Так много было здесь тепла и света,
Что в городе, зимою, в пору вьюг,
Все мнилось мне: а в Петергофе — лето,
Алмазный, синий, праздничный июль.

Молчи, — увь! Волшебный сад изрублен,
Мертвы источники с живой водой,
И праздник человечества поруган
Свирепой чужеземною ордой.

...Но мы пришли к тебе, земная
радость, —
Тебя не вытоптать, не истребить.
Но мы пришли к тебе, стоящей рядом,
Тысячеверстной дорогой битв.

Пришли — и, символом свершенной мести,
В знак человеческого торжества
Воздвигнем вновь, на том же самом месте,
Самсона, раздирающего льва.

И вновь из пепла черного, отсюда,
Где смерть и прах, восстанет прежний сад.
Да будет так! Я твердо верю в чудо:
Ты дал мне эту веру, Ленинград.

26 января 1944 г.

27 января 1944 года Ленинград салютовал 24 залпами из 824 орудий в честь полной ликвидации вражеской блокады, — разгрома немцев под Ленинградом.

Ленинградский салют

...И снова мир с восторгом слышит
Салюта русского раскат.
О, это полной грудью дышит
Освобожденный Ленинград!

...Мы помним осень, сорок первый,
Прозрачный воздух тех ночей,
Когда, как плети, часто, мерно
Свистели бомбы палачей.

Но мы, смиряя страх и плач,
Твердили, диким взрывам внемля:
— Ты проиграл войну, палач,
Едва вступил на нашу землю! —

А та зима... Ту зиму каждый
Запечатлел в душе навек, —
Тот голод, тьму, ту злую жажду
На берегах застывших рек.

Кто жертв не предал дорогих
Земле голодной ленинградской, —
Без бранных почестей, нагих,
В одной большой траншее братской?!

Но позабыв, что значит плач,
Твердили мы сквозь смерть и муку:
— Ты проиграл войну, палач,
Едва занес на город руку! —

Какой же правдой ныне стало,
Какой грозой свершилось то,
Что иступленною мечтой,
Что бредом гордости казалось!

Так пусть же мир сегодня слышит
Салюта русского раскат.
Да, это мстит, ликует, — дышит
Победоносный Ленинград!

27 января 1944 г.

Памяти защитников¹

Вечная слава героям, павшим в борьбе
за свободу и независимость нашей Родины!

(Из приказа Верховного Главнокомандующего)

I

В дни наступленья армий ленинградских,
В январские свирепые морозы
Ко мне явилась девушка чужая
И попросила написать стихи...

Она пришла ко мне в тот самый вечер,
Когда как раз два года исполнялось
Со дня жестокой гибели твоей.

Она не знала этого, конечно.
Стараясь быть спокойной, строгой, взрослой,
Она просила написать о брате,
Три дня назад убитом в Дудергофе.

Он пал, Воронью гору атакуя,
Ту высоту проклятую, откуда
Два года немец вел корректировку
Всего артиллерийского огня.

---

¹ Эти стихи написаны мною по просьбе ленинградской девушки Нины Нониной, — о брате ее, двадцатилетнем гвардейце Владимире Нонине, погибшем смертью храбрых под Ленинградом в январе 1944 года.

Стараясь быть суровой, как большие,
Она портрет из сумочки достала, —
— Вот мальчик наш,
мой младший брат Володя... —
И я безмолвно ахнула: с портрета
Глядели на меня твои глаза.

Не те, уже обугленные смертью.
Не те, безумья полные и муки,
Но те, которыми глядел мне в сердце
В дни юности, тринадцать лет назад.

Она не знала этого, конечно.
Она просила только: «Напишите
Не для того, чтобы его прославить,
Но чтоб над ним могли другие плакать,
Со мной и с мамой, — точно о родном»...

Она, чужая девочка, не знала,
Какое сердцу предложила бремя, —
Ведь до сих пор ещё за это время
Я реквием тебе — тебе! — не написала...

II

Ты в двери мои постучала,
Доверчивая и прямая,
Во имя священной печали
Твой тяжкий заказ принимаю.

Позволь же, правдиво и прямо,
Своим неукрашенным словом
Поведать сегодня
                                о самом
Обычном,
                простом и суровом...

III

Когда прижимались солдаты, как тени,
К земле и уже не могли оторваться, —
Всегда находился в такое мгновенье
Один безымянный, Сумевший Подняться.

Правдива грядущая гордая повесть:
Она подтвердит, не прикрасив ни мало, —
Один поднимался, но был он — как совесть,
И всех за такими с земли поднимало.

Не все имена поколение запомнит,
Но в тот иступленный, kloкочущий полдень
Безусый мальчишка, гвардеец и школьник,
Поднялся и цепи штурмующих поднял.

Он знал, что такое — Воронья гора.
Он встал и шепнул, а не крикнул: «Пора!»

Он полз и бежал, распрямлялся и гнулся,
Он звал, и храпел, и карабкался в гору,
Он первым взлетел на нее, — обернулся
И ахнул, увидев открывшийся город!

И, может быть, самый счастливый на свете,
Всей жизнью в тот миг торжествуя победу, —
Он смерти мгновенной своей не заметил,
Ни страха, ни боли ее не изведав.

Он падал лицом к Ленинграду. Он падал,
А город стремительно мчался навстречу...
...Впервые за долгие годы — снаряды
На улицы к нам не ложились в тот вечер.

И звезды мерцали, как в детстве, отрадно,
Над городом темным, уставшим от бедствий,
— Как тихо сегодня у нас в Ленинграде, —
Сказала сестра и уснула, как в детстве.

— Как тихо, — подумала мать и вздохнула.
Так вольно давно никому не вздыхалось...
Но сердце, привыкшее к смертному гулу,
Забытой земной тишины испугалось.

IV

...Как одинок убитый человек
На поле боя

стихшем и морозном.

Кто б ни пришел к нему,

кто ни придет, —

Ему теперь все будет поздно, поздно.

Еще мгновение, может быть, назад
Он ждал родных, в такое чудо веря...
Теперь лежит, — всеобщий сын и брат,
Пока что не опознанный солдат,
Пока одной лишь Родины потеря.

Еще не плачут близкие в дому,
Еще, приказу вечером внимая,
Никто не слышит и не понимает,
Что ведь уже о нём,
уже к нему
Обращены от имени Державы
Прощальные слова
любви и вечной славы.

Судьба падит — перед ударом — нас.
Мудрей, наверно, не смогли бы люди...
А он — он отдан Родине сейчас,
Она одна сегодня с ним пробудет.

Единственная мать, сестра, вдова,
Единственные заявив права, —
Всю ночь пробудет у сыновних ног
Земля распластанная,
тьма ночная,

Одна за всех горюя, плача,
зная.

Что сын — непоправимо одинок.

V

Мертвый, мертвый...

Он лежит и слышит

Всё, что недоступно нам, живым:
Слышит — ветер облако колышет,
Высоко идущее над ним.

Слышит всё, что движется без шума,
Что молчит и дремлет на земле;
И глубокая застыла дума
На его разглаженном челе.

Этой думы больше не нарушить...
О, не плачь над ним, — не беспокой
Тихо торжествующую душу,
Услышавшую земной покой.

VI

Знаю: утешеньем и отрадой
Этим строчкам быть не суждено.
Павшим с честью — ничего не надо,
Утешать утративших — грешно.

По своей, такой же, скорби — знаю,
Что, неукротимую, ее
Сильные сердца не обменяют
На забвенья и небытие.

Пусть она, чистейшая, святая,
Душу нечерствеющей хранит.

Пусть, любовь и мужество питаю,
Навсегда с народом породнит.

Незабвенной спаянное кровью,
Лишь оно — народное родство —
Обещает в будущем любому
Обновление и торжество.

...Девочка, в январские морозы
Прибегавшая ко мне домой, —
Вот — прими печаль и слезы,
Реквием несовершенный мой.

Всё горчайшее в своей утрате,
Всё душе светившее во мгле,
Я вложила в плач о нашем брате,
Брате всех живущих на земле...

...Неоплаканный и невоспетый,
Самый дорогой из дорогих,
Знаю, ты простишь меня за это,
Ты, отдавший душу за других.

Апрель 1944 г.

Второй разговор с соседной

Дарья Власьева,

соседка, —

здравствуй!

Вот мы встретились с тобой опять.

В дни весны желанной, ленинградской,
Надо снова нам потолковать.

Тихо-тихо. Небо золотое.
В долгожданной этой тишине
Мы пройдем по Невскому с тобою,
По бывшей опасной стороне.

Как истерзаны повсюду стены,
Бельма в каждом выбитом окне.
Это мы тут прожили без смены
Целых девятьсот ночей и дней.

Мы с тобою танков не взрывали, —
Мы в чаду обыденных забот
Безыменные высоты брали.
Нет на карте этаких высот.

Где помечена твоя крутая
Лестница, ведущая домой,
По которой, с голоду качаясь,
Ты ходила с ведрами зимой?

А для боли нашей молчаливой,
Для ранений скрытых, непростых, —
Нехватило б на земле нашивок,
Ни малиновых, ни золотых...

На груди, над сердцем опаленным,
За войну принявшем столько ран, —
Лишь медаль на ленточке зеленой,
Бережно укрытой в целофан.

Вот она — святая память наша,
Сбереженная на все века...

...Что ж ты плачешь,

что ты, тетя Даша?

Нам еще нельзя с тобой пока.

Дарья Власьевна, —

не мы — так кто же

Отчий дом — к победе — приберёт?

Кто ребятам-сиротам поможет,

Юным вдовам слезы оботрет?

Это нам с тобой, хлебнувшим горя,

Чьи-то души греть и утешать.

Нам, отдавшим все за этот город, —

Поднимать его и украшать!

Это нам, забыв о старых бедах,

Сотни новых вынести забот,

Чтоб сынов — когда придут с победой —

Хлебом-солью встретить у ворот.

Дарья Власьевна,

нам много дела,

Оглавление

Ленинграду	3
----------------------	---

Осень 1941 года

„Я говорю с тобой под свист снарядов...“	5
Сестре.	7
Первое письмо на Каму.	9
„Я буду сегодня с тобой говорить“...	11

Зима 1941/1942 года

Разговор с соседкой.	13
Второе письмо на Каму.	16
Армия.	18
Новогодний тост.	20

Поэмы

Февральский дневник.	21
Ленинградская поэма.	30
Дорога на фронт.	43

Лето — осень 1942 года

Разговор с собою.	46
Ленинградская осень	48
Отрывок	51
Новоселье.	54

1943—1944 год

Третье письмо на Каму.	56
Песня о жене патриота.	58
Ленинградке.	60
Весна в Ленинграде.	62
„Третья зона, дачный полустанок...“	63
Моя медаль.	65
„Я, как ты, до смерти не забуду...“	66
Победа.	67
Знамя.	68
„Я давно живу с такой надеждой...“	72

Возвращение

Приход в Пушкин.	73
Наш сад.	74
Ленинградский салют.	75
Памяти защитников	77
Второй разговор с соседкой	83

Редактор И. Авраменко

Обложка и титул Т. Цинберг

М 09616. Подписано к печати 7/VI-1944 г. Тираж 15 000. Уч. авт. л. 1.
Печ. л. 2³/₄. Заказ № 1733. Типография № 1 им. Володарского
Управление издательств при Ленгорисполкоме